

В конце октября Гарри, наконец, узнал, почему он думал, что узнал профессора Люпина. Он приводил в порядок свой багажник по настоянию Добби — эльф принял

близко к сердцу собственное требование Гарри о том, чтобы Добби не сделал все для него — когда под грязной майкой для квиддича, которую действительно

следовало положить в прачечную, а не обратно в багажник, он нашел фотоальбом своих родителей. Это было одно из его самых ценных вещей, и поэтому большую

часть года оно надежно хранилось в его багажнике, Гарри только вынимал его, чтобы посмотреть, когда он снова наткнулся на него, как он это сделал только

сейчас. Увидев первую фотографию Джеймса и Лили Поттер, держащих в колыбели младенца, Гарри вызвал улыбку на его лице, как и каждая последующая фотография. Именно когда он добрался до фотографии свадьбы своих родителей, глаза Гарри были обращены не на его родителей, а на фигуру, стоящую позади них, аплодирующую рядом с другими гостями свадьбы на заднем плане. Глаза Гарри расширились, и он вскочил, выбежав в общую комнату.

«Вот почему я узнал профессора Люпина!» Он сказал Гермионе, Джинни и Рону, которые ловили пятна у костра. Все трое посмотрели на фотографию и быстро

увидели, на кого он указывает.

«Блиней, он был на свадьбе твоих родителей?» Рон пробормотал.

«Я должен пойти поговорить с ним!» Волнение Гарри росло. За эти годы он услышал несколько историй от людей, которые встречались с его родителями в то или иное

время, но он никогда не встречался с друзьями своих родителей, никогда не разговаривал с кем-то, кто действительно знал их, кроме Снейпа, которого он не считал, учитывая враждебность между мастером зелий и его отцом. Забрав фотоальбом обратно, Гарри почти выбежал из общей комнаты, решив немедленно поговорить с Люпенем. Он нашел профессора в своем кабинете и не смог сдержать волнения, когда показал ему фотографию.

«Вы знали их, не так ли? Мои родители?» Люпен грустно улыбался на фотографии и не торопился отвечать.

«Да, я знал их». Наконец он сказал. «Твой отец был рядом со мной в то время, когда больше никого не было. Он был моим самым первым другом. Пока твоя мама... она была не только исключительно одаренной ведьмой, но и необычайно доброй женщиной». Он перевернул страницу и посмотрел на другие фотографии, улыбаясь нескольким и смеясь над другими; ясно, что он узнал многие моменты, которые были запечатлены. «Я помню этот день». Он указал на фотографию младенца Гарри, приближающегося к метле, смеющегося головой, в то время как пара ног гонилась за ним, их владелец невидим из кадра. «Это была твоя первая метла. Это не очень быстро или далеко от земли, но Джеймс был так горд. Он был искателем Гриффиндора, вы знаете, так же, как и вы, и он был так взволнован, чтобы купить вам вашу первую метлу, поэтому, конечно, Падфут должен был побить его до этого и купить вам один первым». Он, казалось, говорил, не задумываясь, и хотя Гарри хотел

спросить, кто такой Падфут, он не хотел мешать Люпину говорить. «Лили, с другой стороны, была в ужасе и заставила Джеймса разместить амортизирующие амулеты

по всей комнате и пообещать никогда не позволять вам ездить на нем в одиночку». На этом он

закончил историю, его тон указывал на то, что он не будет углубляться в эту историю, но это не помешало Гарри задавать вопросы. — Значит, вы их хорошо знали? Грустная улыбка Люпина вернулась.

«Джеймс и я, вместе с двумя другими мальчиками в нашем году, были неразлучны. Мы четвером были лучшими друзьями. Я стоял рядом с твоим отцом, когда он и Лили поженились, и был одним из первых людей, которые держали тебя, когда ты родился». Гарри начал улыбаться, миллион вопросов вошел в его голову, но он был

воспитан, когда смысл того, что только что сказал Люпин, погрузился в него.

«Подождите... но если ты знал их так хорошо, был одним из их лучших друзей, почему я не встречался с тобой раньше?» — спросил он. «Почему ты не посетил или не боролся за меня, когда Дамблдор в одностороннем порядке решил отправить меня к моей тете? Что было против воли моих родителей. Наверняка, как один из их лучших друзей, вы знали это. Возможно, они умерли, прежде чем смогли назначить опекуна для меня, но Корнелиус сказал, что в их завещании конкретно

упоминалось, что я не собираюсь ехать в Петунию. Что, вы верили в дерьмо Дамблдора? Или, может быть, вы заботились о родителях, но недостаточно о ребенке? Что-» — Гарри, Гарри! Люпен остановил его, когда он начал разглагольствовать. «Конечно, мне было все равно, но все не так просто». Гарри посмотрел на него, и Люпен

вздыхнул. «В ту ночь, когда Волан-де-Морт убил твоих родителей, я не только потерял кого-то, кого считал братом, я потерял двух братьев. Питер Петтигрю был еще одним моим другом и другом вашего отца, и он был убит на следующее утро Сириусом Блэком. Мне едва исполнился двадцать один год, и горе поглотило меня. К тому времени, когда я пришел в себя, ты уже был со своей тетей, и да, я верил в Дамблдора. Мы все это сделали, включая ваших родителей. Поскольку Пожиратели Смерти все еще находятся на свободе, а волшебный мир находится в хаосе, как это было в первые месяцы после падения Волан-де-Морта, ваша безопасность была

самой важной вещью. Так что да, я поверил Дамблдору, когда он сказал, что, хотя это может быть не самый любящий дом для вас, он будет самым безопасным».

«Ну, это было не так». Гарри плюнул. «И ты никогда не думал проверить меня? Даже когда Корнелиус и Альдора приняли меня?» И снова Люпин вздохнул.

«Я пытался проверить вас один раз, примерно через год после этого. Я думал, что Петуния вспомнит меня, и она это сделала. Но ее ненависть к нам подобным

видела, как дверь захлопнулась мне в лицо, прежде чем я смог даже взглянуть на тебя».

«А после того, как я больше не был с Дурсли?»

«Я знал, что тогда ты был в безопасности, и о тебе хорошо заботились». Он явно подстраховывался от правды. «Возвращение мальчика, который жил, в наш мир, и

как подопечный министра не меньше, означало, что было много освещения в прессе, поэтому я мог следить за вами таким образом». — Но ты не хотел меня видеть? Гарри не мог удержаться от разочарования, которое пронизывало его голос.

«Конечно, я это сделал!» Люпен настаивал. «Но я знал, что Корнелиус Фадж не будет приветствовать кого-то... ну, кто-то вроде меня на его пороге». Он подошел к

своим потрепанным одеждам, как будто причиной был снобизм Фаджа, и хотя Гарри вполне мог в это поверить, он внезапно понял, что Люпин оставляет недосказанным.

«Ты имеешь в виду, потому что ты оборотень». Это был не вопрос. Гарри хорошо знал предубеждение Фаджа против других магических существ, в том числе предположительно опасных существ, и знал тогда, что даже если бы Ремус Люпен приехал навестить его, он, вероятно, получил бы не лучший прием, чем в Дурсли.

«Что-я-» Люпин не мог скрыть своего шока. — Как ты узнал? Гарри криво улыбнулся.

«Быть больным во время одного полнолуния — это ничто, дважды может быть совпадением, в три раза? Затем, конечно, есть все намеки, которые Снейп опускала, и

тот факт, что одна из моих лучших подруг является самой яркой ведьмой своего возраста. Я подозревал, но Гермиона подтвердила это». Люпин на самом деле усмехнулся.

«Да, мисс Грейнджер действительно одна из самых ярких студенток, даже людей, которых я когда-либо встречала. И Северус из всех сил старается заставить людей осознать правду. Эссе, которое он написал во время последнего полнолуния с акцентом на распознавание оборотней, было особенно блестящим».

«Не волнуйтесь, никто, кроме Гермионы, на самом деле не сделал эссе. Я уверен, что никто больше не знает». Гарри пытался заверить его.

"И... Ты в порядке с этим?" Это было сказано так нерешительно, и Гарри сразу понял, что Люпин привык к тому, что люди уклоняются от него или нагло отвергают его, когда узнают правду. — Да. Он сказал. «Быть оборотнем не делает вас автоматически злым или опасным. Из того, что я видел, ты далек от этого». Люпин покраснел под комплиментом. «Кроме того, я уверен, что Снейп варил вам зелье Wolfsbane, и хотя я не самый большой поклонник Дамблдора, он бы не предложил вам работу, если бы думал, что

вы просто будете кусать студентов каждую полнолуние». Это на самом деле вызвало смех. «Я знаю, что не все будут думать так, как я, но я уверен, что они этого не

узнают. Я бы не стал без Гермионы. Я также знаю об истории моего отца и Снейпа, когда они учились в школе. Поскольку вы один из друзей отца, имеет смысл, почему Снейп действительно не любит вас. Ни у кого больше не будет такого контекста».

«Я не буду лгать тебе, Гарри, и говорить, что твой отец был святым». — сказал Люпин. «В течение первых нескольких лет в Хогвартсе он мог быть особенно злым, особенно для Северуса, и наша маленькая группа могла бы дать Мистерам Уизли шанс заработать свои деньги». Гарри улыбнулся. — Правда?

«О да. Я осмелюсь сказать, что ни один студент, даже Фред и Джордж Уизли, не заслужили гнев профессора Макгонагалл так, как мы». Он засмеялся, казалось бы, потерявшись в памяти. «Я помню, как однажды Пронгса поймали на том, что он дал несколько навозных бомб Пивзу, и Макгонагалл назначил его и Падфута под

стражу. Она сказала, что, хотя он не был вовлечен в этот раз, не было никаких сомнений в том, что он сделал что-то еще, о чем она просто еще не знала. Падфут просто пожала плечами и согласилась с задержанием, потому что, конечно, она была абсолютно права». И снова он

упомянул Падфута, и на этот раз кто-то по имени Пронгс. Гарри теперь подозревал, что это были прозвища, которые они дали друг другу в школе, и что его отец был Пронгсом. Падфут, вероятно, был Питером Петтигрю, хотя он также мог быть четвертым другом. Гарри не пропустил, что Люпин больше никогда не упоминал об этом четвертом друге, сказав, что он

существует. Что-то, должно быть, случилось с этим другом, что-то ужасное, если Люпин даже не захотел ссылаться на него, и Гарри обнаружил, что он еще не был достаточно смелым, чтобы спросить об этом. — Во всяком случае, — вышел Люпен из своей задумчивости. «Да, у профессора Снейпа есть основания ненавидеть вашего отца и даже меня, но не позволяйте его ненависти окрашивать ваше мнение о вашем отце, Гарри. Джеймс был хорошим человеком. Да, ему потребовалось время, чтобы вырасти, и на самом деле именно благодаря вашей матери он вырос. Лили не имела ничего общего с Джеймсом до нашего шестого года, хотя он тосковал по ней со второго года. Джеймс понял, что

если он хочет, чтобы Лили смотрела на него как на хулигана на школьном дворе, то ему придется выпрямиться. И он это сделал, настолько, что его назвали Head Boy вместе с Лили на седьмом году. Они собрались вместе перед Хэллоуином в том году и никогда не оглядывались назад». Эти маленькие детали означали мир для

Гарри, факт, который Люпен мог ясно видеть. «Дорогой Мерлин, посмотри на время!» Он вдруг воскликнул, мельком увидев часы на стене. «Это почти комендантский

час. Тебе лучше уйти». Гарри кивнул и взял в руки свой фотоальбом. — Профессор, — остановился он в дверном проеме и повернулся, чтобы оглянуться на Люпина. «Спасибо, что рассказали мне все это. Могу ли я... то есть, могу ли я прийти к вам снова? Я уверен, что у вас есть еще много историй, чтобы рассказать». — Конечно, Гарри. Люпин мягко улыбнулся. «Как ваш учитель, вы можете навестить меня в любое время в рабочее время. Или, если вы того пожелаете... Вы можете посетить свой «Унка Моо» в любое время».

«Унка Му?» Это не имело никакого смысла для Гарри, и Люпин смущенно отмахнулся от него.

«То, как вы называли меня, когда впервые начали говорить». Он быстро объяснил. «Но это история для другого раза». Хотя он все еще не понимал, почему он назвал Люпина «Унка Му» — хотя из того, насколько близки Люпин и его отец, по-видимому, подозревали, что «Унка» должна была быть детской беседой для дяди — смысл профессора обороны был ясен: Гарри должен был решить, насколько он впустит Люпина в свою жизнь и в каком качестве. Если бы Гарри решил видеть в нем только

учителя, то он бы принял это, но если бы Гарри захотел, то он был бы дядей, которым он всегда должен был быть.

«Спасибо... «Унка Му». — сказал Гарри и ушел с улыбкой.

<http://tl.rulate.ru/book/61573/2342644>